BL
50
.P48

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

PETROPAVLOVSKIJ, I
D
BEZBOZHIE (ATEIZM)...

БЕЗБОЖІЕ (АТЕИЗМЪ)

и

ВѢРА ВЪ БОГА (РЕЛИГІЯ)

ВЪ ИХЪ СРАВНЕНІИ СЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧЕКЪ ЗРѢНІЯ.

Прот. І. Д. Петропавловскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1897.

BL50
.P48

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Марта 24 дня 1897 года.

Цензоръ *Священникъ Григорій Дьяченко.*

P.S.2.29.61

Безбожіе (атеизмъ) и Вѣра въ Бога (религія) въ ихъ сравненіи съ исторической, психологической и логической точекъ зрѣнія. *)

Безбожіе (атеизмъ) отвергаетъ бытіе невидимаго высшаго Существа, какъ самобытнаго и самосознательнаго Духа, какъ Творца и Правителя міра и ограничиваетъ все существующее единственно видимымъ, конечнымъ міромъ.

Предметъ нашего чтенія составитъ сравнительная оцѣнка атеизма и религіи съ исторической, психологической и логической точекъ зрѣнія. Но предварительно мы находимъ не лишнимъ сообщить краткія свѣдѣнія объ историческомъ ходѣ развитія атеизма, или вѣрнѣе—о наиболѣе рельефныхъ проявленіяхъ его въ наше время въ разныхъ странахъ цивилизованнаго міра.

Начало атеизма относится еще къ самымъ отдаленнымъ временамъ древности, указаннымъ съ рѣдкою находчивостію и остроуміемъ покойнымъ Платономъ, митропол. Московск. въ разговорѣ его съ Дидро (въ Петербургѣ во дворцѣ Екатерины).—Знаете-ли св. отецъ, спрашивалъ французскій философъ преосвященнаго, не объявляя ему своего имени,—философъ Дидро говоритъ, что нѣтъ Бога.—Это еще прежде него сказано, отвѣчалъ Платонъ.—Какимъ

*) Публичное богословское чтеніе въ Москвѣ, произнесенное въ концертной залѣ дома Синодальнихъ пѣвчихъ, въ присутствіи преосвященныхъ Нестора, викарія Московск., Наѳанаила, управляющаго Новоспасск. мон. и многочисленной образованной публики. *Ред.*

образомъ?—*Рече безуменъ въ сердци своемъ: нѣсть Богъ.*—Въ этомъ отвѣтѣ преосвящ. ясно указывается на существованіе безбожія уже среди народа израильскаго и притомъ еще въ довольно раннюю пору его исторіи—чуть ли не до появленія у израиля царей. Внѣ исторіи божественнаго откровенія, въ древнемъ мірѣ, мы находимъ, прежде всего, нестрогій атеизмъ въ буддизмѣ, насколько онъ признавалъ абсолютнымъ безусловное—*ничто* и изъ него производилъ и къ нему возвращалъ все. Но здѣсь скоро отрицаніе Бога (атеизмъ) превратилось въ обоготвореніе человѣка (въ антропотеизмъ). Въ Греціи извѣстны были имена ученыхъ атеистовъ—Діагора, Біона, Лукіана и др. Но ихъ ученіе казалось грекамъ столь нечестивымъ, что вызывало противъ себя самый безпощадный приговоръ: смертную казнь учителямъ атеизма, уничтоженіе ихъ именъ со страницъ исторіи и публичное сожженіе ихъ сочиненій. Однако, въ древности явленія атеизма, можно сказать, были просто случайными и лишенными всякаго философскаго обоснованія. Но вотъ въ новое время, именно въ прошедшемъ вѣкѣ, во Франціи, атеизмъ выступаетъ уже развитымъ, на началахъ матеріализма, въ болѣе или менѣе систематической формѣ—въ произведеніяхъ нѣкоторой части философовъ и съ той поры до нашихъ дней заявляетъ себя тамъ и сямъ съ хроническимъ постоянствомъ, принимая съ теченіемъ времени то болѣе, то менѣе острый характеръ вь борьбѣ съ религіей. Такъ уже упомянутый Дидро увѣрялъ: «истинная религія это—не имѣть никакой религіи»; Ля-Метри считалъ вѣру столько же неосновательною, сколько и безполезною и утверждалъ, что міръ «не прежде будетъ счастливъ, пока не получитъ въ немъ всеобщаго господства атеизмъ»; авторъ «Systeme de la nature» провозглашалъ вѣру въ Бога столь же великимъ заблужденіемъ, сколько и отличіе между тѣломъ и духомъ и въ лучшемъ случаѣ совѣтовалъ разсматривать всякую религію, какъ миѳологію; «потому что, по его словамъ, въ религіозныхъ ученіяхъ приписывается Богу то, что при-

надлежитъ природѣ, такъ какъ одинъ Богъ— *природа*, или одна природа—Богъ». Это ученіе французскіе атеисты старались утвердить и въ массѣ своего народа въ страшные дни «Конвента», когда эрбенисты постановили: «нужно лишить трона Царя неба точно такъ же, какъ и царей земныхъ», и съ этою цѣлію надъ порталомъ Парижскаго собора Богоматери сдѣлали громадную надпись, возвѣщавшую о посвященіи этого храма философіи. Въ это именно время, одинъ депутатъ, нѣкто Жакъ-Дюпонъ, смѣло обратился къ національному собранію съ слѣдующимъ воззваніемъ: «граждане! вы должны воздвигнуть новые алтари и жертвенники. Природа и разумъ—вотъ истинный Богъ человѣчества! Поспѣшите же ввести во всѣхъ училищахъ преподаваніе этой новой религіи» (Христ. Чт. 1887 г. 1 кн., стр. 72). Въ текущемъ столѣтіи на одномъ студенческомъ конгрессѣ въ Люттихѣ нѣкій ораторъ среди всеобщихъ апплодисментовъ провозглашалъ: «ваша цѣль, гг., уничтоженіе всякой религіи, разрушеніе всѣхъ церквей, искорененіе изъ сознанія своихъ собратьевъ всякой мысли о Богѣ». Въ Испаніи предводитель демократовъ около тридцати лѣтъ тому назадъ въ Барцелонѣ открыто заявлялъ: «на вѣсахъ одна чашка поднимается, если другая опускается; такъ точно если Богъ вверху, то народъ остается внизу, но, если Богъ низвергается, то народъ возвышается». Въ Германіи атеизмъ нашелъ себѣ апостоловъ въ ряду философовъ, естествовѣдовъ и поэтовъ. Извѣстный авторъ «Существа христіанства», Людвигъ Фейербахъ такъ философствуетъ о небытіи Бога: «Богъ обязанъ своимъ бытіемъ просто болѣзненному удвоенію человѣческаго видѣнія, такъ какъ богосознаніе есть не что иное, какъ самосознаніе человѣка; теологія есть собственно антропологія: человѣкъ говоритъ: «ты» тамъ, гдѣ долженъ бы говорить: «я». Достойный братъ Людвига Фридрихъ Фейербахъ выражается въ этомъ отношеніи еще яснѣе, ставитъ, какъ говорятъ, точку надъ Людвиговымъ і: «только человѣкъ, разсуждаетъ онъ, есть нашъ Богъ, нашъ Отецъ, нашъ

Судія, нашъ Искупитель, альфа и омега нашей жизни, государственной, гражданской и нравственной, общественной и домашней. Карлъ Фохтъ, Молешотъ и Бюхнеръ, не уставали пропагандировать среди своихъ соотечественниковъ ученіе, что кромѣ матеріи, которая не уменьшается и не увеличивается и владѣетъ вѣчнымъ бытіемъ, ничего не существуетъ: фосфоръ, углеродъ, кислородъ и т. д., вотъ боги, управляющіе всѣмъ міромъ». Одинъ изъ поклонниковъ драматическаго искусства предрекаетъ о непремѣнной замѣнѣ въ будущемъ религіи драмою и церкви—театромъ, какъ мѣстомъ новаго культа: «должна быть новая церковь; театръ будетъ храмомъ новаго культа, божественнымъ домомъ, какъ это было у грековъ. Религія и истинная драма для меня тожественны». Господствующая въ настоящее время, такъ называемая, позитивная философія утверждаетъ, что въ силу внутренняго закона развитія человѣческаго духа, все человѣчество постепенно должно оставить, какъ устарѣвшую точку зрѣнія, всякую религію и метафизику, т. е. вообще всякую вѣру въ сверхчувственный міръ, и культъ Бога навсегда замѣнить культомъ человѣческой любви или рилигіей земнаго міра. «Всѣ понятія и познанія человѣческаго духа необходимо должны пройти три стадіума развитія—теологіи (когда вѣрятъ въ Бога и потусторонній міръ), метафизики (когда философствуютъ объ этомъ) и наконецъ, позитивизма (гдѣ утверждаются только на положительномъ, осязаемомъ, посюстороннемъ). На послѣдней точкѣ зрѣнія человѣчество освободитси отъ всякаго остатка вѣры въ невидимое и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнетъ своего совершенства». Въ этомъ именно или подобномъ смыслѣ учатъ и въ нашемъ отечествѣ, за послѣднія деятилѣтія, нѣкоторые представители свѣтской науки и литературы, посвящая насъ въ кругъ, будто бы, несправедливо пренебрегаемыхъ идей «безсмертнаго Конта».

Если атеизмъ такъ настойчиво и усердно старается объ искорененіи въ сознаніи человѣчества вѣры въ бытіе Бога

и религіозной жизни въ человѣческомъ мірѣ; то, конечно, нужно думать, онъ дѣлаетъ это не въ иныхъ какихъ-либо видахъ, какъ въ интересахъ нашего просвѣщенія и благосостоянія, подъ тѣмъ предположеніемъ, что религія лишь препятствуетъ нормальному ходу развитія человѣчества, тормозитъ его прогрессъ во всѣхъ отношеніяхъ и что, напротивъ, невѣріе, безбожіе есть тотъ волшебно-всесильный рычагъ, который способенъ поднять родъ человѣческій на неизмѣримую высоту умственнаго и нравственнаго развитія, личнаго, семейнаго и общественнаго благополучія. Одинъ изъ видныхъ новѣйшихъ ученыхъ (бар. фонъ-Рокитанскій) эту именно мысль публично и раскрывалъ при торжественномъ открытіи Антропологическаго Общества въ Вѣнѣ (18 февр. 1870 г.), закончивъ свою рѣчь для вящшаго эффекта слѣдующимъ латинскимъ изреченіемъ: «diis exstinctis successit humanitas — только по уничтоженіи божества возможно преуспѣяніе человѣчества». Но такъ ли это въ дѣйствительности? Можно ли признать хотя каплю истины въ этомъ предположеніи? На подобные вопросы даетъ намъ самый неподкупный, безпристрастный отвѣтъ исторія. Поэтому мы и обратимся прежде всего къ ней за разрѣшеніемъ нашего вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ и достоинствѣ вліянія какъ религіи, такъ и атеизма на просвѣщеніе человѣчества и вообще на все наше состояніе, чтобы изъ твердыхъ историческихъ свидѣтельствъ вывести неоспоримое заключеніе о безусловной законности и абсолютной необходимости первой или втораго изъ нихъ въ ряду основныхъ проявленій нашей духовной жизни.

1) Что же говоритъ намъ исторія, спросимъ сначала, о значеніи *религіи* въ дѣлѣ духовнаго развитія человѣчества? Во-первыхъ, она сообщаетъ намъ, что вся человѣческая культура ведетъ свое начало изъ религіи, что религія есть корень или источникъ всякаго человѣческаго образованія или жизни умственной, нравственной, соціально-гражданской и даже эстетическаго развитія человѣчества: «Культъ

и культура, говоритъ Геттингеръ, какъ уже и самыя имена ихъ указываютъ на общій корень, получили свое происхожденіе въ святилищѣ религіозной вѣры». Лютардтъ говоритъ: «религія есть материнское лоно, изъ котораго вышла вся духовная жизнь человѣчества; вся высшая культура человѣческаго рода есть дочь религіи». И исторія представляетъ намъ полное подтвержденіе приведенныхъ словъ апологетовъ. Въ самыя отдаленныя эпохи древности, отъ которыхъ сохранились до насъ только смутныя и баснословныя свѣдѣнія, мы находимъ въ человѣчествѣ только одну религію: люди, не знавшіе ничего, кромѣ немногихъ потребностей жизни, не имѣвшіе никакихъ точныхъ даже эмпирическихъ познаній, однако владѣли религіозными представленіями, и эти представленія и идеи составляли все ихъ духовное богатство. Все міровоззрѣніе ихъ по существу состояло изъ представленія о Божествѣ, было ничѣмъ инымъ, какъ этимъ представленіемъ, развитымъ въ подробностяхъ и частностяхъ въ видѣ обоготворенія различныхъ силъ и предметовъ природы. Вполнѣ справедливо указываютъ въ наше время, что содержаніемъ миѳологіи язычества служитъ весь кругъ человѣческаго знанія до исторической эпохи; но при всемъ разнообразіи внутренняго содержанія миѳовъ, ихъ общій характеръ, ихъ основной тонъ—*религіозный* прямо указываетъ, какъ на источникъ всего первоначальнаго человѣческаго знанія, облеченнаго въ форму миѳовъ,—на религію. Кому неизвѣстно, что самая древняя мудрость вышла изъ жреческихъ кастъ? Жрецы религіи были также и носителями или представителями образованія: наука, законодательство, звѣздочетство, исторіографія были первоначально дѣломъ жрецовъ и отъ нихъ уже перешли въ руки людей другихъ сословій.

Но мы разсмотримъ нѣсколько раздѣльнѣе источное значеніе религіи по отношенію къ различнымъ областямъ духовныхъ проявленій человѣческой жизни. Въ умственной области человѣка, несомнѣнно, какъ ни стараются оспорить это въ наше время, первое мѣсто принадлежитъ фи-

лософіи: философія была и будетъ матерью наукъ. Но она никогда ни получила бы начала, если бы не воспользовалась для своихъ спекулятивныхъ изслѣдованій готовымъ матеріаломъ, даннымъ въ религіи. Относительно происхожденія нравственныхъ понятій современные изслѣдователи древнихъ миѳологій значительно противорѣчатъ другъ другу: одни признаютъ по времени происхожденія нравственныя понятія первыми, а религіозныя — вторыми; *) другіе, напротивъ, не усматриваютъ на самыхъ раннихъ ступеняхъ религіознаго развитія человѣчества никакихъ нравственныхъ понятій, находя религіи безъ всякаго нравственнаго ученія **). Истина, по нашему мнѣнію, лежитъ въ срединѣ между этими взглядами: именно, уже въ самыя древнія эпохи мы находимъ идею Божества и нравственныя понятія одновременными, нераздѣльно соединенными въ сознаніи народовъ. Древнѣйшій памятникъ доисторическаго религіознаго періода индоевропейской расы, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, мы имѣемъ въ Ведахъ индійцевъ, особенно въ Ригъ-Ведѣ. Но, на основаніи точнаго изслѣдованія послѣдней книги, современный санскритологъ Максъ Мюллеръ говоритъ, что «сознаніе грѣха есть выдающаяся черта религіи древне-ведійскаго періода». Такъ какъ нравственныя понятія, какъ извѣстно, всегда стоятъ въ логической зависимости отъ чисто теоретическихъ или метафизическихъ ***), то мы имѣемъ законное основаніе предположить, что и въ самой глубокой древности нравственное ученіе произошло изъ теоретическаго или догматическаго ученія религіи, составляющаго существеннѣйшую сторону всякой религіозной вѣры.— Что касается теперь до соціально-политическаго быта народовъ, то выше всякаго сомнѣнія, что онъ созидался на началахъ, вышедшихъ изъ религіи и отъ нея получилъ свою санкцію. Ученіе фран-

*) Воеводскій: Каннибализмъ въ греч. миѳахъ (Ж. М. Н Пр. 1873 г. дек и 1874 г. февр.).

**) Леббокъ. Начало цивилизаціи.

***) „Нѣтъ нравственности безъ идей“ (Шеллингъ).

цузскихъ энциклопедистовъ прошедшаго вѣка о происхожденіи религіи отъ жрецовъ и законодателей, будто бы въ своекорыстныхъ цѣляхъ измыслившихъ невидимыхъ надзирателей за поступками человѣка—боговъ, есть невольное, но краснорѣчивое признаніе происхожденія гражданскихъ или общественныхъ законовъ непосредственно изъ религіи.—Наконецъ, мы сказали, религіи также обязаны своимъ происхожденіемъ и произведенія эстетическаго чувства, художественнаго творчества человѣка. И дѣйствительно, царицею пластическихъ искусствъ съ самаго начала была архитектура, но она получила свое происхожденіе въ служеніи религіи: громадные храмы Индіи и ея пагоды, богатыя колоннами капища Греціи служатъ неумолкающими свидѣтелями этого служенія. Скульптура, достигшая высшаго развитія у грековъ, также имѣла первоначально своимъ предметомъ міръ боговъ, и только впослѣдствіи обратилась къ изображенію обыкновенныхъ лицъ и вещей. Тоже нужно сказать и о живописи и далѣе о музыкѣ. Наконецъ, даже театральное искусство первоначально было у грековъ нѣкотораго рода богослуженіемъ. Такимъ образомъ, исторія указываетъ намъ въ религіи источникъ всѣхъ главнѣйшихъ сферъ проявленія человѣческой культуры.

Но она говоритъ еще болѣе: именно, во-вторыхъ, религія есть не только первоначальный источникъ всей человѣческой культуры, но и постоянный принципъ ея, вѣчно зиждительная сила, основной нервъ всей жизни и развитія народовъ. Слишкомъ часто твердятъ намъ: «религія стѣсняетъ натуральную жизнь человѣчества, ея задачи и потребности; обращая нашъ взоръ къ невидимому міру, она отвлекаетъ насъ отъ видимаго міра, въ которомъ мы живемъ и гдѣ находятся наши насущные интересы и задачи». Но какъ это несправедливо! Что говоритъ Монтескьё въ спеціальномъ смыслѣ о христіанствѣ, то можетъ быть приложено въ широкомъ смыслѣ и ко всякой религіи вообще: «христіанская религія—удивительно чудное явленіе; она, повидимому, имѣетъ своимъ предметомъ только

блаженство будущей жизни, но созидаетъ въ то же время и счастіе настоящей жизни». Ульманнъ раскрываетъ эту мысль далѣе, говоря: «религія всему указываетъ свое мѣсто, всему даетъ надлежащее значеніе; ею просвѣщается и возвышается въ своемъ достоинствѣ то, что само по-себѣ можетъ казаться какъ будто маловажнымъ и ничтожнымъ, равно отъ нея получаетъ надлежащую оцѣнку все, что кажется или что само старается казаться неизмѣримо великимъ и какъ бы выше всякой оцѣнки». Да, скажемъ отъ себя, удерживая насъ въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ, религія, въ тоже время, открываетъ намъ послѣднія глубины нашей собственной природы и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ истинныя потребности, задачи и стремленія нашей земной настоящей жизни. Она подобно солнцу согрѣваетъ нашу натуральную, земную жизнь, какъ бы почву, изъ которой подъ животворными лучами религіи выростаютъ прекраснѣйшіе цвѣты. Не входя въ подробное доказательство нашего тезиса, мы укажемъ въ подтвержденіе его только на слѣдующіе факты. Та или иная ступень общаго культурнаго развитія извѣстнаго народа всегда зависитъ отъ степени высоты его религіозныхъ и вмѣстѣ нравственныхъ понятій: гдѣ послѣднія низменны, тамъ и первое несомнѣнно невысоко. Высшая цивилизація никакъ не можетъ быть внесена въ среду народа безъ предшествующей ей высшей религіи. Отсюда, вполнѣ основательно, первое мѣсто въ ряду цивилизующихъ средствъ дикихъ народовъ обыкновенно приписываютъ христіанско-миссіонерской дѣятельности. Ничто, кромѣ религіи, неспособно произвесть радикальнаго переворота въ жизни народовъ: философія въ древнемъ языческомъ мірѣ неудержимо разрушала вѣковыя религіозныя преданія и устои народовъ, но сама не способна была установить жизнь на новыхъ лучшихъ началахъ; напротивъ, съ измѣненіемъ и возвышеніемъ религіозныхъ идей, вездѣ измѣняется и начинаетъ возвышаться и цѣлое состояніе народовъ. Всѣ великія эпохи въ исторіи государствъ были въ то же время и періодами процвѣтанія

религіи и упадокъ послѣдней неминуемо влекъ за собой паденіе и разложеніе также государственной жизни народовъ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ религіозной вѣры, народы лишались какъ бы небесной росы, свѣта и теплоты для своего роста и такимъ образомъ прекращался притокъ жизненныхъ силъ въ ихъ органически - общественную жизнь. Самое разительное подтвержденіе этого представляетъ намъ народъ израильскій съ его исторіей въ В. Завѣтѣ. Книга Судей служитъ прямо какъ бы развитіемъ темы, что каждое отпаденіе отъ Іеговы неизбѣжно влечетъ за собой политическое рабство народа, и каждое политическое обновленіе его обусловливается только возбужденіемъ религіознаго духа народа. Пророки израиля были носителями національнаго духа и политическихъ идей; они, если можно сказать, были политиками и публицистами высшаго типа. Но основною мыслію всей ихъ политической мудрости и всѣхъ политическихъ проповѣдей всегда служило: *сѣмя свято—стояніе его.* (Ис. 6. 13), т. е. религія и религіозная вѣрность Іеговѣ есть основаніе и сила государственнаго благополучія и самостоятельности народа. И, дѣйствительно, погибель израиля и разложеніе государства были слѣдствіемъ и наказаніемъ его религіознаго упадка. Тоже самое находимъ мы и въ другихъ государствахъ древняго міра; такъ было въ Греціи и такъ въ Римѣ; упадокъ религіи и съ ней нравственности былъ первымъ, упадокъ гражданской жизни народа былъ вторымъ роковымъ явленіемъ.

Высокое, даже абсолютное значеніе религіи и культа для благосостоянія государства хорошо понимали и сами древніе народы язычества. Поэтому у нихъ религія и культъ имѣли значеніе государственныхъ учрежденій, такъ что весь народъ и каждый въ частности обязательно долженъ былъ принимать въ нихъ участіе; никакое общественное и частное предпріятіе не начиналось у грековъ и римлянъ безъ молитвы; даже театръ въ Греціи открывался молитвою; отсюда и произошло такое множество названій молитвъ у грековъ

и римлянъ какъ-то: preces, precatio, comprecatio, carmen, salutatio, adoratio, invocatio, supplicatio; ἀρά, εὐχή, λιτή, εὐχαριστία, προσόδιον, προστροπή etc. Какъ на главнѣйшее и существеннѣйшее условіе процвѣтанія всей жизни народовъ, матеріальной и духовной смотрѣли на религію и на твердость религіозной вѣры также и философы и ученые древняго міра. Аристотель считалъ культъ самымъ первымъ по значенію въ ряду шести главныхъ учрежденій общественной жизни (земледѣлія, промышленности, военнаго сословія, финансоваго учрежденія, и проч.) и думалъ, что безъ него не можетъ существовать ни одно государство. Цицеронъ говоритъ: «я не знаю, возможно ли вообще существованіе какой либо довѣренности, какого либо довѣрія другъ къ другу, какого либо человѣческаго общества и самой идеи справедливости, если прекращается вѣра въ отношеніи къ Богу. Поэтому прежде всего должно быть глубочайшимъ убѣжденіемъ всѣхъ гражданъ, что боги суть высшіе властители и правители всего существующаго, что все совершающееся зависитъ отъ ихъ воли и что родъ человѣческій больше всего обязанъ имъ». Въ христіанскомъ мірѣ не только вѣрующіе, что неудивительно, но, къ удивленію, даже и нѣкоторые враги христіанства не спорятъ противъ значенія религіи, какъ фундамента всей гражданской или государственной жизни народовъ. Блаж. Августинъ говоритъ: «что такое государства безъ права, какъ небольшія разбойническія банды? Но право имѣетъ свой основной корень и свое высшее мѣрило въ нравахъ, а эти опять въ религіи». Руссо говоритъ: «нѣкоторые хотятъ основать добрую нравственность на простомъ разумѣ, но я, признаюсь, не вижу никакого болѣе солиднаго основанія для нравственности, кромѣ религіи. Добродѣтель, говорятъ, есть собственно любовь къ справедливости. Прекрасно! Но обязанъ ли я жертвовать своимъ счастіемъ этой справедливости? Я соглашаюсь, что гдѣ дѣйствуетъ разумъ, тамъ можетъ быть и справедливость, но съ тѣмъ различіемъ, что справедливый подчинитъ себя *цѣлому*, а не-

справедливый будетъ подчинять *себѣ* цѣлое и смотрѣть на себя, какъ на центральный пунктъ всего. Если не существуетъ Бога, то несправедливый вполнѣ правильно разсуждаетъ, считая себя средоточіемъ всего». «Вездѣ, говоритъ Вольтеръ, гдѣ находится государственная жизнь, необходима религія. Законы бодрствуютъ надъ общественными нравами, а религія надъ частною жизнію». Во Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практическаго примѣненія къ жизни антирелигіозныхъ началъ, заявившихъ себя ужасными послѣдствіями, сами сторонники невѣрія стали вопіять къ религіи о спасеніи. Такъ Ривароль, несоглашавшійся прежде съ мнѣніемъ знаменитыхъ французскихъ соціологовъ, Тюрго и Неккеромъ, громко предсказывавшими роковую опасность для народа отъ пропаганды вольтеріанскаго легкомыслія, послѣ началъ горячо утверждать: «величайшее преступленіе совершаетъ тотъ, кто внушаетъ толпѣ сомнѣніе въ истинности ея религіозныхъ убѣжденій. Самая несовершенная религія болѣе соотвѣтствуетъ природѣ человѣка, чѣмъ какая бы то ни было философская система. Всякая общественная власть должна смотрѣть на себя, какъ на судно, которое лишь тогда можетъ быть въ безопасности, когда удастся ему закинуть свой якорь на небеса». Въ то же время депутатъ Ленажъ своимъ смѣлымъ заявленіемъ въ Совѣтѣ пятисотъ, что только христіанство въ состояніи погасить очагъ безнравственности, позорящей Францію и угрожающей ей окончательной гибелью, принудилъ правительство назначить особою коммиссію которая бы объѣздила по возможности всю страну, и на мѣстахъ констатировала господствующій характеръ общественнаго мнѣнія относительно религіи. Въ видахъ безпристрастія президентомъ назначенъ былъ гражданинъ Фуркроа, прославившійся въ засѣданіи конвента 13 іюля 1796 г. изреченіемъ: «мы подавимъ послѣдніе вопли вѣры и стоны религіознаго фанатизма нашими демократическими учрежденіями». Какой же отчетъ представила коммиссія правительству о результатахъ сво-

ихъ разслѣдованій? Вотъ что, между прочимъ, пишетъ въ этомъ отчетѣ авторъ его Фуркроа: «нѣкоторые изъ новѣйшихъ философовъ утверждаютъ, что будто бы человѣчество и безъ религіи можетъ существовать и прогрессировать. Этотъ неправильный взглядъ ввелъ было въ заблужденіе и меня самого. Но теперь я имѣю возможность убѣдиться въ его ошибочности. Населеніе провинцій громко порицаетъ законы противъ религіи и настоятельно требуетъ возстановленія свободы богослуженія». И въ подтвержденіе своихъ словъ Фуркроа приводитъ цѣлый рядъ мнѣній, затребованныхъ отъ разныхъ округовъ. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: «дѣти наши предались бражничеству, бездѣлію и распутству. Потерявши всякое представленіе о Божествѣ они уже не понимаютъ, что справедливо и что несправедливо. Нравы ихъ отличаются варварствомъ и пошлостію и все окружающее населеніе стало жестокимъ и безчеловѣчнымъ» (мнѣніе округа Aisne). Воспитаніе безъ морали, говоритъ Совѣтъ Жиронды, и мораль безъ религіи, это одинаково что-то парадоксальное и непонятное. Постигшія насъ невзгоды и ужасающій порядокъ общественной нравственности можетъ излечить одна религія». (*Хр. Чт.* 1889 г. май-іюнь 615 стр.). Послѣ этого не удивительно если даже Гегель, вообще смотрѣвшій свысока на религію по сравненію съ философіей, однажды выразился, что «законы имѣютъ свою высшую гарантію въ религіи». Въ новое время даже соціалистъ Прудонъ сознавался: «удивительно, какъ скоро мы входимъ въ глубину политики, всегда наталкиваемся на теологію» (онъ хотѣлъ, конечно, сказать — на религію) и поэтому начинаетъ свою «систему экономическихъ противорѣчій или философію бѣдности» съ изслѣдованія идеи Бога. Намъ кажется наилучшимъ завершеніемъ этого ряда сужденій о значеніи религіи въ общественной жизни народовъ будутъ служить слова американскаго посланника Лоренса, высказанныя на засѣданіи одного ученаго общества въ Лондонѣ: «Священное Писаніе составляетъ magna charta libertatum человѣчества. Величіе Англіи осно-

вано именно на ея религіозности. Что же касается великой Американской республики, то она даже самое короткое время не могла бы существовать и тѣмъ болѣе не могла бы прогрессировать, если бы не поставила себя подъ сѣнь религіознаго авторитета Писанія» (*Хр. Чт.* 1889 120 стр.). Вотъ неоспоримыя историческія или, во всякомъ случаѣ, основанныя на строгомъ изученіи исторіи свидѣтельства о безусловномъ и постоянномъ значеніи религіи въ ходѣ развитія всей вообще жизни человѣчества, его культуры, его прогресса, умственнаго, нравственнаго, соціальнаго и т. д.

Что же можетъ теперь противопоставить всему сказанному о религіи *атеизмъ* съ своей стороны? Въ состояніи ли онъ указать намъ хотя одинъ народъ, абсолютно чуждый религіи и въ то же время успѣвшій достигнуть какой либо ступени культурной жизни, возвыситься самодѣятельно, безъ понятія и идеи о Богѣ, надъ чисто животнымъ состояніемъ? Или, быть можетъ, онъ найдетъ намъ въ исторіи народъ, по отреченіи отъ Бога и именно вслѣдствіе своего безусловнаго атеизма, подвинувшійся по пути цивилизаціи несравненно далѣе религіозныхъ народовъ? Или, наконецъ, онъ выставитъ намъ на видъ какіе-либо особенно плодотворные результаты своего ученія въ современной жизни образованныхъ народовъ, результаты, которыхъ недоставало имъ именно вслѣдствіе ихъ «устарѣлой» вѣры въ Бога? Посмотримъ. Враги религіи, чтобы подорвать достовѣрность вѣры въ Бога, т. е. дѣйствительное соотвѣтствіе ей самосущаго, абсолютнаго Существа, Творца и Промыслителя міра, нерѣдко любятъ ссылаться на свидѣтельства нѣкоторыхъ путешественниковъ, находившихъ, будто-бы, цѣлыя племена, незнакомыя ни съ какою мыслію о Богѣ, ни съ какимъ культомъ, молитвами и жертвами и т. д. Здѣсь не мѣсто разъяснять, можно ли безусловно довѣряться всѣмъ вообще подобнымъ свидѣтельствамъ. Беремъ эти свидѣтельства въ ихъ наличномъ видѣ, т. е. допуская въ нихъ сообщеніе достовѣрныхъ

фактовъ, и спрашиваемъ: что же? какую ступень умственнаго и нравственнаго развитія, семейнаго и общественнаго состоянія представляютъ эти племена атеистовъ? Вотъ какъ характеризуетъ образъ жизни и уровень духовнаго состоянія одинъ ученый путешественникъ, по имени Азара, найденныхъ имъ на равнинѣ по теченію Лаплаты дикихъ индійцевъ, по его словамъ, совершенно безбожныхъ: «они живутъ, не составляя между собою никакого общества, совершенно какъ дикіе звѣри, и такъ мало составляютъ народъ, какъ какіе-нибудь волки и лисицы; они только внѣшне человѣкоподобны, говорятъ неохотно, весьма тихо, обладаютъ голосомъ хриплымъ и животно-грубымъ и языкъ ихъ чрезвычайно бѣденъ». Изъ этого описанія видно, что открытые Азарою дикіе атеисты только носятъ на себѣ внѣшній образъ человѣка (и то, конечно, едва замѣтный, вслѣдствіе его, вѣроятно, крайняго безобразія); но по своему духовному состоянію стоятъ безконечно ниже даже тѣхъ племенъ и народовъ, которые представляютъ собой первую строго разграничивающую черту между царствомъ животныхъ и чисто человѣческимъ. Не только въ религіозномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, во всѣхъ вообще обнаруженіяхъ духовной жизни мы не видимъ въ нихъ почти никакихъ существенныхъ, характеристическихъ чертъ человѣка. Но и помимо всякихъ свидѣтельствъ, не согласятся ли съ нами всѣ, не исключая и самихъ просвѣщенныхъ атеистовъ, что уже одна простая мысль о безусловномъ безбожіи какого-либо племени заставляетъ наше воображеніе рисовать картину самаго грубаго и дикаго состоянія этого племени? Не высказывается ли въ этомъ всеобщее убѣжденіе, что даже самомалѣйшая ступень человѣческой культуры немыслима безъ связи съ религіозной вѣрой и что при совершенномъ невѣдѣніи Бога невозможно и никакое духовное развитіе?— Но не имѣется ли, переходимъ къ другому вопросу, у ученыхъ атеистовъ въ запасѣ, для указанія намъ, какой-либо народъ, хотя первоначально развившійся подъ воз-

дѣйствіемъ религіозныхъ представленій и идей, но затѣмъ оставившій всякую вѣру въ высшее Существо и вслѣдствіе того ушедшій далеко впередъ по пути умственно-нравственнаго прогресса? Повидимому, исторія указываетъ намъ не одинъ такой народъ, но нѣсколько, именно—всѣхъ послѣдователей буддизма, этого религіознаго нигилизма, признающаго абсолютнымъ одно чистое ничто, пустоту, нирвану. Буддизмъ, какъ нельзя отвергать, оказываетъ нѣкоторое цивилизующее вліяніе на своихъ послѣдователей. Но а) въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ не долго сохранялся даже на своей родинѣ: въ Индіи, какъ мы говорили уже, онъ скоро превратился въ антропотеизмъ; б) даже въ своей чистой формѣ онъ никогда не былъ совершеннымъ атеизмомъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ уже общее признаніе буддизма религіей. Нирвана для индійца есть нѣчто положительное, къ чему онъ стремится всѣми силами своей души, какъ къ мѣсту наивысшихъ удовольствій и совершеннѣйшаго блаженства, къ мѣсту котораго онъ домогается молитвами, постомъ, всякаго рода духовными и физическими самоистязаніями. Но гдѣ мы встрѣчаемъ постъ, молитву и тому подобныя проявленія религіознаго характера, тамъ, какъ бы ни понималось само по себѣ Божество, несомнѣнно, находимъ вѣру въ Бога, религію; в) буддистическая религія съ своимъ главнымъ догматомъ объ абсолютномъ—«ничто» не оказываетъ никакого собственно здороваго, возбуждающаго вліянія на духовную жизнь своихъ исповѣдниковъ. Правда, она сдерживаетъ дикія страсти своихъ необразованныхъ вѣрующихъ, смягчаетъ грубость отношеній ихъ между собой, но не сообщаетъ имъ никакихъ положительныхъ началъ для умственнаго прогресса и для улучшенія ихъ соціально-гражданской жизни. Съ этимъ согласны даже такіе горячіе панегеристы буддизма, какъ Кёпеннъ и Бунзенъ. Первый сознается: «всѣ великіе земные интересы и вопросы—національные, политическіе, соціальные и гуманные стоятъ отъ буддизма далеко; поэтому ему не до-

стаетъ ни искусства, ни науки и своею моралью онъ производитъ какую-то пустоту въ сердцѣ». Второй говоритъ: «буддизмъ, правда, ввелъ среди монголовъ болѣе кроткіе нравы, но нигдѣ не вызвалъ здоровой реформирующей жизни. Въ планѣ міроваго порядка онъ служитъ теперь какъ бы умѣренной дозой опіума, данной бѣшенымъ племенамъ отжившей свой вѣкъ Азіи».—Наконецъ, третій вопросъ: на какіе особенно плодотворные результаты своего ученія, повсюду распространяемаго въ новое время, въ состояніи указать атеизмъ въ жизни современныхъ образованныхъ народовъ? Конечно,—на идеи свободы, равенства и братства, будто бы въ первый разъ открытыя міру французскимъ невѣріемъ прошедшаго вѣка и съ того времени получившія права вѣчнаго, неотъемлемаго гражданства въ образованномъ мірѣ? Но эти идеи выхвачены французскими атеистами изъ религіи и именно изъ христіанства,—только выхвачены въ ихъ голомъ видѣ, безъ той исторической подкладки и единственно прочной теоретической основы, на которыхъ онѣ здѣсь утверждаются. Но лишенныя своихъ, такъ сказать, природныхъ основаній, которыя онѣ имѣютъ въ христіанствѣ, эти сами по себѣ сколько возвышенныя, столько же прекрасныя идеи, въ рукахъ непосредственныхъ преемниковъ ученыхъ атеистовъ,—коноводовъ первой французской революціи, новѣйшихъ соціалистовъ, коммунистовъ и проч., получили столь извращенный смыслъ, что въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей эти идеи уже стали символомъ ужаснаго террора, гильотины, разнузданности дикихъ страстей толпы, попранія всякаго общественнаго порядка, закона, права, собственности и т. д. Опытъ нѣсколькихъ революцій теперь уже не позволяетъ обманываться никому изъ здравомыслящихъ людей, что подъ обольстительнымъ девизомъ: «свобода, равенство и братство», атеизмъ не вноситъ ничего болѣе, какъ растлѣвающій ядъ въ народные организмы и извращаетъ всѣ нормальныя отправленія ихъ жизни. «Исторія Франціи послѣ 1791 года,

читаемъ мы у одного историка, представляла собой жалкую картину народной жизни, отрѣшившейся отъ великихъ религіозныхъ основъ. Подъ жгуче-мертвящимъ дыханіемъ атеизма и противоестественныхъ матеріалистическихъ доктринъ, источникъ возвышенныхъ идей и благородныхъ поступковъ изсякъ во французскомъ народѣ. Личное сознаніе, порабощенное животными инстинктами сдѣлалось игрушкой страстей. Единственнымъ признакомъ жизни оставалась всеобщая манія власти, неудержимая энергія преступности и систематическая порча суверенной черни. Развратъ самый необузданный разгульно царилъ повсюду и конвульсивные пароксизмы ежеминутно потрясали соціальный организмъ государства. Пренебреженіе къ религіи довело Францію почти до полнаго крушенія, отъ котораго она начала оправляться лишь тогда, когда снова обратилась къ вѣрѣ и христіанству, указывающимъ ей путь спасенія. (621 стр. Хр. Чт. 1889 г., кн. іюн.).

Вотъ сравнительный историческій обзоръ значенія, съ одной стороны, религіи, съ другой, атеизма во всей вообще человѣческой жизни и вліянія ихъ на развитіе всѣхъ областей послѣдней. Какое же вѣрное заключеніе мы получаемъ изъ этого обзора? Если религія есть первоначальный источникъ и постоянный жизненный базисъ человѣческой культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ; если атеизмъ, напротивъ, не способенъ возвысить человѣка ни на одну ступень изъ безусловно дикаго, варварскаго состоянія, и даже въ среду народной жизни, совершившей уже нѣсколько шаговъ по пути цивилизаціи, вноситъ только разладъ, разрушеніе, смерть, то выводъ отсюда, думается, очевиденъ, какъ Божій день. Именно, такова уже значитъ природа человѣчества, что его развитіе возможно и мыслимо только подъ вліяніемъ религіи, и, слѣдовательно, религія есть прирожденное человѣчеству необходимое и неустранимое условіе его развитія; словомъ, въ религіи человѣческій родъ имѣетъ одинъ изъ основныхъ законовъ своей жизни? И самъ атеизмъ, не только не отрицаетъ,

но даже рѣшительно настаиваетъ на положеніи, что все въ природѣ и исторіи человѣчества совершается и развивается по опредѣленнымъ, неизмѣннымъ законамъ. Но что же можетъ быть названо болѣе основнымъ закономъ нашей жизни, какъ не религія (наши стремленія къ Богу), безъ которой невозможно и изъ которой исходитъ все наше развитіе? Спорить противъ значенія религіи, какъ основного закона нашей жизни, значитъ спорить противъ дѣйствительности законовъ вообще, отвергать всѣ законы въ мірѣ и человѣческой исторіи. Наша мысль находитъ себѣ вполнѣ авторитетное подтвержденіе со стороны извѣстнаго психофизика Фехнера: «заблужденіе и истина, говоритъ онъ, имѣютъ между собой то общее, что могутъ продолжаться исторически, но вмѣстѣ съ тѣмъ то различіе, что тогда какъ истина продолжается въ безконечность, заблужденіе ограничивается въ своемъ бытіи только извѣстнымъ предѣломъ времени. Теперь, такъ какъ вѣра въ Бога имѣетъ всемірную распространенность среди народовъ земли; такъ какъ она проходитъ чрезъ всѣ вѣка; такъ какъ она не съ теченіемъ только времени является у однихъ болѣе или менѣе культурныхъ народовъ, а существуетъ и у тѣхъ, коихъ культурныя способности вполнѣ сомнительны; такъ какъ по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи она не отдѣляется, но все тѣснѣе связывается съ нашимъ развитіемъ; такъ какъ вѣра въ Бога служитъ всеобщимъ объединяющимъ принципомъ человѣчества на землѣ и болѣе и болѣе обнаруживаетъ способности быть таковою; такъ какъ, наконецъ, отдѣльные случаи невѣрія представляютъ лишь исключенія и оказываются у народовъ или въ индивидуумахъ лишь весьма небольшого образованія или односторонняго направленія: то всѣ историческія точки зрѣнія на религіозную вѣру соединяются въ одно цѣлое, свидѣтельствуя въ ея пользу. Было бы рѣшительно непонятнымъ явленіемъ, еслибы вѣра въ Бога сохранялась и развивалась безъ абсолютно-законнаго и незыблемо-твердаго основанія».

II) Уже раскрытый доселѣ выводъ изъ указанныхъ выше историческихъ фактовъ о безусловной необходимости религіи въ развитіи нашей жизни представляетъ намъ отчасти и психологическій аргументъ въ пользу религіи и противъ атеизма. Но мы войдемъ теперь нѣсколько глубже въ самое святилище нашей души, въ внутрь ея существа, и посмотримъ, какими безконечными преимуществами заявляетъ себя здѣсь религія по сравненію съ атеизмомъ. Прежде всего: изъ какихъ внутреннихъ движеній или побужденій возникаетъ въ насъ религія и какими мотивами вызывается въ нѣкоторыхъ изъ насъ невѣріе въ Бога, отрицаніе Его бытія? Мотивомъ религіозной жизни человѣка служитъ, какъ этого, конечно, никто не будетъ оспаривать, врожденное человѣку влеченіе къ высшему духовному развитію, сремленіе подняться надъ уровнемъ состоянія и образа жизни окружающихъ его животныхъ, жить болѣе высшею стороною своего существа, духовною, нежели плотскою и, такимъ образомъ, стать дѣйствительнымъ украшеніемъ видимаго міра, истиннымъ вѣнцомъ всѣхъ земныхъ тварей. Въ этомъ отношеніи извѣстный въ новѣйшей философской литературѣ Ланге, авторъ «Исторіи матеріализма», справедливо говоритъ: «религіозная вѣра не можетъ быть выводима ни изъ низшихъ побужденій человѣческой природы, какъ это дѣлаютъ мыслители матеріалистическаго направленія, ни изъ дѣятельности нашихъ познавательныхъ силъ, какъ объясняютъ ее мыслители-раціоналисты. Истинное зерно религіи заключается въ творчествѣ, въ творческомъ синтезѣ, въ которомъ совокупно дѣйствуютъ высшія и благороднѣйшія функціи человѣческаго духа. Здѣсь благородная строгость мысли соединяется съ высокимъ подъемомъ духа надъ дѣйствительностью — къ чистымъ, невозмутимымъ источникамъ того, что человѣкъ считаетъ неземнымъ, божественнымъ. Такимъ образомъ, въ архитектурѣ своихъ творческихъ идей онъ воздвигаетъ почитаніе Божеству (Исторія матеріа-

лизма, т. II, 468 стр. *). Атеизмъ, напротивъ, въ самой преобладающей части случаевъ исходитъ изъ чисто животной привязанности къ чувственному, матеріальному, изъ необузданной страсти къ преходящимъ интересамъ и мимолетнымъ наслажденіямъ земной жизни, изъ страха, предъ безконечными требованіями человѣческаго духа и только, въ рѣдкихъ, рѣдкихъ случаяхъ изъ какихъ-либо ложныхъ воззрѣній болѣе или менѣе идеальнаго, духовнаго характера. Типичнѣйшимъ выразителемъ злокачественности источника атеизма служитъ Гейне, требовавшій, какъ онъ выражается, «регабилитаціи плоти» и мечтавшій видѣть укрѣпленною на самой вершинѣ храма статую Венеры Кипрской. Въ противоположность ученію христіанства, указывающему на самоотверженіе, какъ на непремѣнное требованіе душевнаго спасенія, Гейне съ паѳосомъ заявляетъ: «нѣтъ, не саммоотверженія мы хотимъ; мы ищемъ наслажденій, плясокъ, нимфъ, нектара и амброзіи. О, если бы люди никогда не вѣрили въ Бога, насколько они были бы счастливы».

Далѣе: что говоритъ намъ самое простое, обыденное наблюденіе надъ способомъ происхожденія въ однихъ вѣры въ Бога и возникновенія невѣрія въ другихъ, и надъ силою внутренней твердости, съ какою та и другое сохраняются въ человѣкѣ? Ничто не возникаетъ и не развивается въ человѣкѣ съ наибольшею легкостію и непринужденностію, какъ религія, вѣра въ Бога: дитя, при первомъ пробужденіи въ немъ яснаго сознанія, ни къ чему не обнаруживаетъ столько воспріимчивости, какъ къ простымъ наставленіямъ матери о бытіи невидимаго Бога, создавшаго міръ и управляющаго имъ, надзирающаго за всѣми нашими дѣйствіями, награждающаго добрые и

---

*) Конечно, мы не думаемъ опредѣлять здѣсь послѣдній, коренной источникъ религіи въ человѣкѣ, а только указываемъ на общую психологическую тенденцію, обнаруживающуюся въ религіозной жизни человѣчества.

наказывающаго злые поступки человѣка. Для того, чтобы быть ученымъ, художникомъ, даже какимъ-нибудь ремесленникомъ требуется продолжительное образованіе или обученіе, но чтобы быть религіознымъ, вѣровать въ Бога и находиться съ Нимъ въ живыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, достаточно самаго простаго религіознаго воспитанія и не столько ученія, сколько примѣра другихъ религіозныхъ людей. И при этомъ, что можно сравнить въ человѣкѣ съ религіей по той интенсивности, съ какою она проникаетъ, и по той всеоблемости, съ какою она охватываетъ все существо человѣка? Никакія убѣжденія такъ не дороги человѣку, какъ религіозныя; поэтому никакое разногласіе, никакое противорѣчіе такъ глубоко, живо и полно не затрогиваютъ его сердца, какъ именно религіозное: религіозные споры—самые горячіе споры, какіе только извѣстны въ исторіи, и религіозныя войны—самыя жестокія войны, опять какія только знаетъ исторія. Такова религія по способу своего происхожденія и по силѣ своего дѣйствія въ человѣкѣ!—Каковъ же атеизмъ? Онъ никогда не зарождается естественно и легко, но всегда при искусственныхъ условіяхъ и съ большою натугою. Нужно или слишкомъ глубоко опуститься въ животно-чувственную жизнь, погрязнуть въ порокахъ разнаго рода, стѣснить, подавить въ себѣ лучшіе инстинкты человѣческой природы и уподобиться животнымъ или же слишкомъ долго поддаваться исключительному вліянію атеистическаго ученія, развивать свой умъ и воспитывать свое сердце на единственно враждебныхъ религіи или, по крайней мѣрѣ, не имѣющихъ никакого отношенія къ ней ученыхъ произведеніяхъ, чтобы заглушить въ себѣ религіозное чувство; но и при этомъ всегда необходимо сохранить въ себѣ твердую и сознательную рѣшимость воли, чтобы не поддаваться невольнымъ возбужденіямъ этого чувства при разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни. Вотъ почему отнюдь не несправедливо говорятъ: не было и нѣтъ истиннаго атеиста, который бы постоянно и безусловно оставался вѣ-

ренъ своему отрицанію Бога и, по крайней мѣрѣ, тайно, въ глубинѣ своей души не соглашался часто съ бытіемъ Бога; этою-то непрочностію невѣрія въ сердцѣ человѣка и объясняются постоянныя измѣненія ему нерѣдко самыхъ рьяныхъ его приверженцевъ. Дидро, во всю свою жизнь славившійся рѣшительнымъ отрицаніемъ Бога, весьма часто принималъ у себя въ домѣ одно духовное лицо и къ удивленію всѣхъ своихъ друзей сдѣлалъ участницей воспитанія своей единственной дочери также библію, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ мемуары его дочери. А кто не помнитъ, какою соблазнительною борьбой между католическими патерами и позитивистами ознаменовались похороны Литтре, этого долголѣтняго предводителя позитивистической партіи во Франціи, когда оказалось, что Литтре предъ смертью, во время болѣзни, раскаялся предъ представителемъ церкви въ своихъ философскихъ заблужденіяхъ и удостоился напутствія св. Таинъ? Да и самъ Контъ, отецъ позитивизма, по словамъ Милля, окидывая общимъ взглядомъ результаты своего труда, съ удивленіемъ и ужасомъ увидалъ, что его философія запираетъ человѣческую жизнь въ невозможные тиски чувственно-разсудочнаго знанія, тогда какъ въ человѣкѣ неоспоримо существуетъ неискоренимое стремленіе къ міру идеальному; поэтому подъ конецъ своей философской дѣятельности совершенно переставилъ отношенія между положительнымъ знаніемъ и сердечною потребностью въ идеалѣ: если прежде потребности сердца онъ отрицалъ во имя точнаго знанія, то теперь, наоборотъ, послѣднее онъ сводитъ почти къ нулю во имя первыхъ (Милль—Контъ и позитивизмъ; 56 ид. 165 стр.). Но всего удивительнѣе для насъ слышать отъ Штрауса, этого заклятаго врага христіанства, этого Цельса нашего вѣка, глубокое сожалѣніе о потерянной имъ старой вѣрѣ и слѣдовательно невольное самосвидѣтельство его о сохраненіи въ немъ все-же нѣкоторой искры вѣры: «потеря вѣры въ Провидѣніе, говоритъ онъ, принадлежитъ къ самымъ чувствительнымъ лишеніямъ, соединеннымъ съ отреченіемъ

отъ христіанско-церковной вѣры. Послѣ того вы видите себя поставленнымъ въ срединѣ какой-то чудовищной міровой машины съ ея желѣзными зубчатыми колесами, съ шумомъ вращающимися кругомъ васъ, съ ея тяжелыми молотами, оглушительно ударяющими около васъ; видите себя среди этого ужаснаго механизма беззащитнымъ и безпомощнымъ, не обезпеченнымъ ни на одинъ моментъ отъ того, чтобы при малѣйшей неосторожности быть задѣтымъ какимъ-либо колесомъ и разорваннымъ на клочки или быть приплюснутымъ какимъ-либо молотомъ!» Такъ и внутри самой души человѣка мы находимъ ясныя и неоспоримыя указанія на безусловную законность религіи и совершенную аномальность безбожія въ жизни человѣка.

III) Но, можетъ быть, въ области нашего знанія, въ мысли нашего разума заключается болѣе основаній къ отрицанію Бога, нежели къ признанію Его бытія? Здѣсь невольно припоминаются намъ слова отца новѣйшей эмпирической философіи Бэкона: «поверхностное знаніе приводитъ къ невѣрію; напротивъ, знаніе глубокое и основательное приводитъ къ вѣрѣ». Однако мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе того, къ чему болѣе склоняется здравая мысль при разсмотрѣніи міра съ разныхъ его сторонъ—къ вѣрѣ ли въ Бога или отрицанію Его. Мы укажемъ только на ограниченность нашего знанія и спросимъ: что болѣе сообразно съ нею—предположеніе ли бытія Бога, или отрицаніе абсолютнаго Творца и Промыслителя міра? Чтобы имѣть право на рѣшительное утвержденіе: «нѣтъ Бога», нужно знать и умѣть объяснить, какъ все въ мірѣ, великое и малое, цѣлое и каждая отдѣльная малѣйшая часть произошли сами по себѣ, безъ всякаго дѣйствія всемогущаго Творца, посредствомъ простого взаимодѣйствія міровыхъ вещей; какимъ образомъ установилось самое это взаимодѣйствіе, какъ явились законы, управляющіе этимъ взаимодѣйствіемъ, откуда взялась самая субстанція міра и т. д. Кто отказывается отъ такого объясненія, чей умъ въ сознаніи своей ограниченности останавливается

въ нѣмомъ молчаніи предъ безконечностію познаваемаго, тотъ хотя и не имѣетъ въ этомъ положительныхъ основаній къ признанію бытія Бога, однако, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ себѣ, своему собственному знанію, признавая Бога. Напротивъ, кто положительно утверждаетъ небытіе Бога, тотъ или долженъ показать свое абсолютное знаніе или впадаетъ въ грубое противорѣчіе природѣ и силамъ своего собственнаго разума. «Отрицаніе Бога, говоритъ вѣрно одинъ апологетъ, заключаетъ въ себѣ вполнѣ нелѣпое предположеніе; оно, строго говоря, есть не что иное, какъ необычайное самообольщеніе. Прежде чѣмъ кто-нибудь можетъ сказать: «міръ безъ Бога», онъ долженъ узнать весь міръ, онъ долженъ изслѣдовать универсумъ со всѣми его солнцами и звѣздами, исторію всѣхъ временъ, пройти всю область пространства и времени, чтобы могъ со всею основательностію сказать: нигдѣ я не открылъ слѣдовъ Бога. Онъ долженъ изучить каждую силу во всемъ универсумѣ, потому что если бы узналъ всѣ силы, но исключая *одной*, то, можетъ быть, не узналъ бы именно Бога; долженъ указать *всѣ* причины существующаго, потому что если бы не указалъ одной, то, можетъ быть, именно Бога; если онъ не знаетъ и не можетъ объяснить всего, что случилось въ теченіе вѣковъ, то можетъ быть, то, чего не знаетъ, случилось чрезъ Бога. Короче, чтобы можно было съ рѣшительностью сказать: «не существуетъ никакого Бога», нужно быть всевѣдущимъ и всемогущимъ, т. е. нужно быть самому богомъ, но тогда все же нашелся бы Богъ». Дѣйствительно, только считая самого себя богомъ, можно съ логическою послѣдовательностію отвергать бытіе Бога внѣ себя; напротивъ, сознавая самого себя ограниченнымъ, въ то же время утверждать небытіе Бога, значитъ противорѣчить природѣ собственнаго духа, конечности его знанія. Намъ думается, не ошибемся, если скажемъ, что среди образованныхъ слоевъ современнаго русскаго общества, никому еще изъ философовъ

не счастливилось пользоваться такими глубокими симпатіями и такой широкой популярностью, какъ представителямъ новѣйшей англійской философіи, Миллю и Спенсеру. Обратимся же къ этимъ лицамъ и послушаемъ ихъ авторитетнаго голоса о конечныхъ результатовъ, представляемыхъ намъ строгими данными науки по отношенію къ высшему Существу. Милль, считая уже себѣ честію нести вмѣстѣ съ Контомъ знамя опытной философіи, однако не стѣсняется утверждать, что, во 1-хъ, посылки философіи Конта, если даже и допустить ихъ достаточную обоснованность, во всякомъ случаѣ не ведутъ неизбѣжно къ отрицанію вѣрованія, что вселенная создана и управляется Разумомъ и, затѣмъ, именно этой обоснованности у Конта нѣтъ и быть не можетъ. Послѣ этого критическаго приговора надъ философіей Конта Милль говоритъ уже отъ себя: міръ если не самымъ фактомъ своего существованія, то спеціальной природой своего устройства, именно замѣченными въ немъ признаками преднамѣренности свидѣтельствуетъ о бытіи Бога, какъ зиждительнаго абсолютнаго Разума (Контъ, позитив. 16, 153 стр.). Не менѣе, если не болѣе, ясно и рѣшительно утверждаетъ тоже самое и Спенсеръ: «Сила мышленія неизбѣжно ведетъ насъ за предѣлы бытія обусловленнаго къ бытію безусловному. Правда мы не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ этой абсолютной Силѣ; но это ни мало не препятствуетъ намъ признавать самый фактъ существованія абсолютной Силы. Существованіе абсолютной, хотя непознаавемой Силы, ея присутствіе въ качествѣ единственно постоянной реальности подъ всѣми измѣнчивыми формами какъ внѣшней природы жизни, такъ и нашего собственнаго духа, есть безспорный, очевидный, абсолютный фактъ» (Основн. начала, пер. ред. Тиблена, стр. 102 и дал.). Такимъ образомъ и съ логической точки зрѣнія атеизмъ по своей безосновательности стоитъ далеко ниже религіозной вѣры въ Бога.

Желая быть вполнѣ безпристрастными въ сужденіи объ атеизмѣ, мы не можемъ умолчать и о той пользѣ, какую онъ, при всей грубости своего заблужденія, приноситъ религіозной вѣрѣ человѣчества. Какъ ни странно, на первый взглядъ, говорить о какой либо пользѣ атеизма, однако какъ всякое зло, по дѣйствію Промысла, ведетъ за собой какое-нибудь добро, такъ и атеизмъ, кромѣ прямаго, непосредственнаго вреда религіозной вѣрѣ, доставляетъ ей и нѣкоторую косвенную пользу. Несомнѣнно, что изъ множества различныхъ религій истинною можетъ быть только одна; точно также неоспоримо, что и сама истинная, чистая, Божественная религія въ рукахъ человѣческихъ легко можетъ подвергнуться искаженію, профанаціи. И вотъ съ одной стороны въ дѣлѣ уничтоженія ложныхъ религій, съ другой—утвержденію и распространенію въ мірѣ истинной религіи и сохраненію послѣдней въ чистомъ, неискаженномъ видѣ и оказываетъ, помимо своей воли, значительную услугу атеизмъ. Безусловно отрицая бытіе Бога и заботясь о распространеніи своего ученія въ мірѣ, атеизмъ дѣлаетъ невозможною слѣпую, безотчетную вѣру, опирающуюся только на авторитетъ давности, на происхожденіе ея отъ предковъ, напротивъ, невольно вынуждаетъ вѣрующихъ къ строгой оцѣнкѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій, вызываетъ въ нихъ критическое отношеніе къ религіи, отъ чего ложныя формы религіи мало-по-малу уничтожаются, между тѣмъ какъ истинная болѣе и болѣе распространяется. Древній греко-римскій міръ, безъ сомнѣнія, много пострадалъ отъ атеизма: ему обязанъ онъ своимъ разложеніемъ; но нельзя не признать, что атеизмъ, безсознательно для него самого, отчасти содѣйствовалъ на развалинахъ древняго язычества и культуры утвержденію Христіанства съ его несравненно высшею, плодотворнѣйшею цивилизаціей. Что же касается самого христіанства, то отъ борьбы съ атеизмомъ, говоря вообще, оно ни мало не проигрываетъ, а, напротивъ много выигрыва-

етъ: прежде всего, атеизмъ своей борьбой съ христіанствомъ не допускаетъ въ христіанскомъ мірѣ религіозно-нравственнаго усыпленія, не дозволяетъ укорениться въ средѣ христіанскихъ народовъ холодному отношенію къ предметамъ религіи, индифферентизму; всегда пробуждаетъ новую ревность по вѣрѣ, за тѣмъ—способствуетъ болѣе и болѣе глубокому пониманію неисчерпаемаго содержанія христіанства и оцѣнкѣ его достоинства съ разныхъ сторонъ и, наконецъ, главнымъ образомъ предостерегаетъ владѣющихъ христіанскою религіей отъ злоупотребленій ею, отъ искаженій, профанаціи ея. Разъяснимъ послѣднюю мысль. Кому неизвѣстно изъ исторіи, какъ нерѣдко, прикрываясь авторитетомъ христіанской вѣры, какъ божественной, абсолютной, люди, стоявшіе во главѣ римско-католической церкви, гнали истину, защищали заблужденія, предразсудки, преслѣдуя свои личные, эгоистическіе расчеты, какъ подъ знаменемъ возвышенныхъ, безупречно чистыхъ началъ христіанской нравственности заточали въ темницы, мучили, сожигали на кострахъ героевъ истины, правды, добродѣтели? Противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій божественною религіей атеизмъ и является истинымъ бичемъ Божіимъ, достойно карающимъ виновныхъ; онъ налагаетъ узду на произволъ людей, готовыхъ религію обратить въ орудіе своихъ страстей; онъ грозитъ имъ уничтоженіемъ христіанства въ самомъ его существѣ и такимъ образомъ невольно вынуждаетъ ихъ охранять и защищать Божественный даръ въ его чистотѣ. Какъ въ древнее время Іегова для вразумленія непокорныхъ іудеевъ отдавалъ ихъ въ руки язычниковъ, такъ и въ христіанское время мы можемъ смотрѣть на атеизмъ, какъ на небесное наказаніе за всякую попытку къ злоупотребленію богооткровенною религіей. Атеизмъ—это *реакція* противъ прогрессивнаго развитія религіозныхъ заблужденій человѣчества и *протестъ* противъ профанаціи божественной религіей и въ этомъ

смыслѣ онъ составляетъ, можно сказать, необходимый отрицательный моментъ въ историческомъ процессѣ развитія религіозной жизни человѣчества. Несомнѣнно, что, атеизмъ есть тяжкое преступленіе противъ вѣры въ Бога, но къ этому преступленію, по нашему мнѣнію, вполнѣ примѣнимы слова св. Амвросія Медіоланскаго: «amplius nobis prodest culpa, quam nocet». *)

---

*) Главнымъ пособіемъ при составленіи настоящаго чтенія послужила наша собственная статья: „Атеизмъ“ (Чтенія въ Общ люб. духовн. просвѣщ. 1879 г.). Немногое, кромѣ уже цитованныхъ сочиненій, заимствовано также изъ Guth'a—Die moderne Weltanschauung... 1877. Frankfurt.

P C 2.2

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING

AUG 69
ST. AUGUSTINE
FLA.
32084

LIBRARY OF CONGRESS
0 040 055 507 2